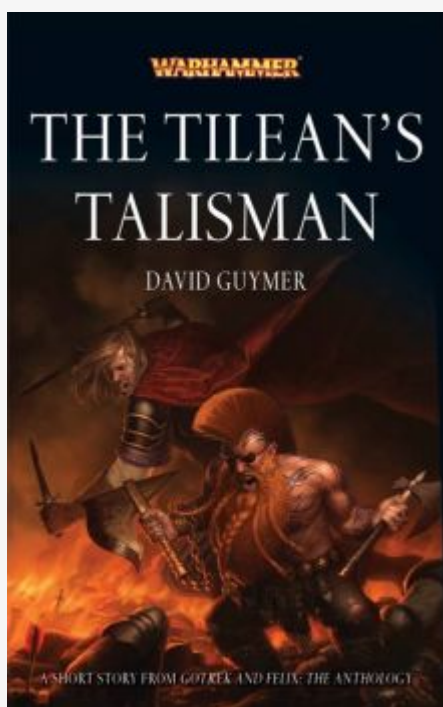

Тилейский талисман / The Tilean's Talisman (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Тилейский талисман / The Tilean's Talisman (рассказ)

Автор	Дэвид Гаймер / David Guymer
Переводчик	Serpен
Издательство	Black Library
Серия книг	Готрек и Феликс_ (цикл)
Входит в сборник	Готрек и Феликс: Антология / Gotrek and Felix: The Anthology (сборник)
Год издания	2011
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Отныне Сискритт намеревался делать всё так, как ему было велено. Ни больше, ни меньше. Он съёжился под столом, пока вокруг него бушевала резня. Дрожа, он рискнул бросить взгляд сквозь когти, прикрывавшие глаза. Такое ощущение, будто по залу пронесся ураган: столы и стулья были разбиты в

щепки, а солома, устилавшая пол, набухла от крови бесчисленных трупов, как детей Рогатой Крысы, так и людишек.

Несмотря на ковёр из падали, драка продолжалась в дыму, что притуплял нюх Сискритта. Уши были заложены от рёва варп-огня, в котором горела таверна, пальцы чёрно-зелёного пламени жадно лизали стены и потолок, окуная кровавую вакханалию в неземной яркий свет и заставляя его усы подёргиваться от запаха варп-камня.

Внезапный грохот над головой едва не заставил его подпрыгнуть, и Сискритт впился зубами в камень на рукояти его нового блестящего меча, чтобы не завизжать от ужаса. Грязная, покрытая золотым мехом рука появилась перед его глазами, изрубленный щит, покачиваясь, соскальзывал с неё, пока не упал около ног скавена. Символ Рогатой уставился на него. Молча, он завизжал в драгоценный камень. Это был знак. Он умрёт здесь.

Неосознанно, его лапа обхватила висящий на шее талисман.

Это стоило того, что бы ни случилось. Талисман теперь принадлежал ему. Он защитит его. Ужасы зала, казалось, исчезли, когда магия талисмана, просочившись сквозь его мех и плоть, лениво потекла вверх по лапе и успокоила мысли скавена. Он закрыл глаза и практически услышал шепчущий голос талисмана: успокаивающий, ободряющий.

Он вытащил меч изо рта и внимательно посмотрел на его блестящий клинок. Это было смешно, особенно теперь, когда он подумал об этом. Это был всего лишь один гном.

Сискрит зарычал, качая головой, когда воздействие талисмана прошло. Это был не просто гном - это была словно питаемая варп-камнем машина смерти.

Гном вырвал топор из чрева очередного скавена и использовал импульс от этого движения, чтобы отрезать ноги другому. Удар подкованного каблука сапога по трахее бьющегося воина положил конец его страданиям.

Сискритт наблюдал за тем, как, воспользовавшись мгновением затишья, гном вытер кровь скавенов со своего здорового глаза.

В дальнем углу таверны оставшиеся в живых людишки всё ещё удерживали позиции. Спина к спине и бок о бок они сражались в битве, которую невозможно было выиграть, стоя на пути бесконечного потока.

Гном с насмешкой поднял свой топор. Он открыл свой рот, чтобы заговорить, и, хотя Сискритт и не мог разобрать каждое слово, радостная воинственность, вкладываемая гномом в свою речь, была очевидна. Он бросился с вызовом на кишущих клановых крыс, проклиная их трусость, и глубоко вонзил свой топор в жилистую плоть скавенских воинов. В бешеной панике скавены обратили мечи и зубы друг на друга, пытаясь сбежать, но бежать было некуда. Гном с хохотом рванулся вперёд, кося выживших по обе стороны, словно траву. Он ворвался в спрессованную массу покрытых мехом тел, проревев боевой клич, когда занёс топор над воином, что склонился над распростёртым на покрытом соломой полу человечешкой

Скавен забрызгал красный плащ человечешки, с которым он боролся, мускусом страха и поспешно поднял клинок, чтобы парировать удар, но топор гнома рассёк ржавый меч надвое, словно прогнившее дерево. Лезвие скрылось в темноте, когда инкрустированный рунами топор погрузился в череп крысочеловека.

Человечишка тяжело отпихнул труп скавена прочь и, кряхтя, поднялся, неожиданно сотрясшись в приступе кашля, когда его лёгкие набрали в себя окутывавший таверну дым. Сискритт не мог ясно разглядеть его лицо сквозь дым, но человечишка был высок, и его броня словно бы корчилась, отражая зелёноватые отблески варп-огня. Он признал его: это *Фееликс*, спутник карликовой твари. Человечишка что-то быстро тараторил на рейкшпиле, обращаясь к гному, но тот лишь рассмеялся, отправляя в полёт нового воина, после того как тот соприкоснулся с его кулаком.

Он неспеша, как и подобало гному, ответил, но Сискритт по-прежнему не мог разобрать ни слова. Он горько выругался, так как разговор шёл у него над головой

Пронзительный вопль у дверей привлёк внимание человечишки, когда волна воинов скавенов полилась через пылающий портал. Впереди всех остальных мчался мощный, высокий крысовоин в доспехах цвета малахита с ужасающей алебардой высоко поднятой в лапах, именно из его пасти и исходил привлёкший внимание человека визг.

Гном усмехнулся. Его человеческий приятель устало чертыхнулся.

Сискритт выскочил из своего укрытия, сжимая в лапе меч. Он был спасён. Не было никого сильнее Криззака. Он бросился в бой, уже предвкушая, как благодарный вожак вознаградит его храбрость.

Гном неуклюже шагнул вперёд, чтобы встретить могучую атаку Криззака, в свою очередь взмахнув топором в смертоносной дуге. В последний момент гигантский скавен притормозил свой бег, и топор разорвал грудь одному из его менее сообразительных собратьев. Воспользовавшись этим, Криззак бросил всю свою массу на гнома, зажав его оружие и вонзая в шею гнома свои зубы.

Гном взревел, как разъярённый бык, и с силой, которую было невозможно представить, отодрал от себя скавена свободной рукой. Гном сильно сжал руку на горле огромного воина, и Криззак забился и завизжал - жалкий хныкающий звук, который казалось нереальным слышать исходящим из глотки такого гиганта - и вонзил когти глубоко в бицепс гнома. Кровь свободно побежала вниз по руке, но его хватка не ослабла. Вместо этого гном взревел и резким движением притянул к себе Криззака, разбив морду скавена в жестокое столкновении голов, забрызгав свою татуированную шкуру фонтаном из крови и слюны крысочеловека. Криззак отступил на шаг, оглушено мотая головой, перед тем как топор гнома снял её с плеч.

Слишком поздно Сискритт осознал, что оказался один, лицом к лицу с чудовищем: ярко-оранжевый ирокез, размазанная по жестокому лицу скавенская кровь, образовывавшая страшные узоры, топор, которым он орудовал с неестественной силой, с лезвия коего ещё капала тёплая кровь родичей Сискритта. Он мгновенно расплылся вокруг себя мускус страха.

Слабый звон коснулся краёв его разума, смутно опознанный, как звук меча, выпавшего на пол из дрожавших пальцев.

Он резко пришёл в себя, его чувства, словно шар в игре, вернулись в его тело. Он увидел знакомое лицо, искажившееся от страха.

- Крассик? - пропищал он удивлённо. Не имея времени на долгие раздумья, он развернул своего брата по помёту и бросил его на пути гнома. - Драться, Крассик-брат! Убить-убить!

Развернувшись прочь, Сискритт бросился к свободе. Ему надо было всего лишь пробраться в подвал, а там он бы легко сбежал от гнома по туннелям. Подвал, подумал он с чёрным отчаянием, почему он просто не остался в подвале?

Сискритт споткнулся о разбитую неистовым карликом мебель. В отчаянии он бросил взгляд влево и вправо, но за дымом ничего не смог увидеть. Он заставил себя успокоиться. Да! Подвал был справа от него. Даже сквозь запах дыма, он мог разобрать прогорклый запах эля. Он бросился в ту сторону, прыгая прямо в бар, вот только на этот раз он ошибся и угодил прямо в человеческого компаньона гнома, в *Фееликса*. На этот раз он разглядел его страшное, почерневшее от золы лицо и светлые волосы, мокрые от забрызгавшей его крови.

Только их взаимное удивление спасло Сискритта.

Его лапы инстинктивно дёрнулись к оружию, и слишком поздно он вспомнил, что выбросил его. Глаза человешишки расширились, и он занёс свой меч для смертельного удара.

Сискритт плотно закрыл глаза и ждал смерти.

Талисман завибрировал на цепочке, приглушённый звон колокола раздался в его черепе, и на мгновение он оказался окутан щитом из раскалённого света. Человешишка закричал в испуге, когда его меч был вырван из его хватки и, словно ракета, улетел к потолку.

Неуверенно, ожидая, что его голова развалится, как растрескавшийся орех, если он будет двигаться слишком поспешно, Сискритт открыл один глаз. Меч человешишки по самую рукоятку был воткнут в потолочную балку, кисть его владельца побелела от судорожной хватки, когда он безуспешно болтал ногами в воздухе, пытаясь использовать свой вес и высвободить клинок.

Сискритт хихикнул и цапнул валявшийся неподалёку клинок. То был не его отличный новый меч, но это дело наживное. Человешишка упал на пол с пустой рукой и развернулся перед ним, встав в боевую стойку и подняв кулаки, когда скавен пошёл на него. Только один безоружный человешишка, и он будет свободен!

Вдруг человек расслабился, и его уродливое лицо расплылось в улыбке. Нос Сискритта дёрнулся от такого загадочного поведения, но тяжёлые шаги за спиной бросили его в холодный пот, и все мысли о человешишке на его пути вылетели из головы.

Он развернулся на пятках, когда гном приблизился.

Битва закончилась. Его родичи исчезли, и таверна опустела. Единственным оставшимся звуком был треск деревянной конструкции, пожираемой варп-огнём, тяжёлое дыхание человешишки и поступь гнома, который, казалось, двигался в такт с бешеным биением крысолюдского сердца.

- Ты! - прошипел он на ломаном рейкшпиле. - Как ты до сих пор живёшь-дышишь!?

Гном поднял топор.

- Потому что ещё ничто не смогло убить меня.

Сискрит зарычал. Его талисман спасёт его. Он жил с благословением Рогатой. Он бросился вперёд, ныряя под замах гнома, чтобы ударить его в живот. Гном отступил в сторону, приняв его лезвие на запястье, и с лёгкостью, достойной убийцы клана Эшин, переместив центр тяжести, нанёс косой удар топором промеж лопаток Сискритта.

Как и мгновением раньше, талисман ожил, остановив топор на полпути.

Гном взревел, когда топор попался в неестественную хватку, руны ярко засветились красным, когда он

вгрызся в мерцающий барьер. Песня талисмана превратилась в крик, наполнивший уши Сискритта болью. В тот же миг, когда он почувствовал, что более уже не выдержит, свет отхлынул от топора гнома, вернувшись обратно в талисман, оставив его оглушённым во тьме. Он в недоумении смотрел на него, когда топор гнома вонзился в его позвоночник.

Клинок выскользнул из ослабевших пальцев, и он опустился на колени, заваливаясь на бок. Его морда ударилась о пол, но он практически ничего не почувствовал, его нос заполнился запахом крови, древесной пыли и гнилой соломы.

Талисман лежал перед ним, так далеко, как только позволяла цепочка, словно хотел убежать от него. Сискритт попытался протянуть лапу и вернуть его, но они более не слушались его. Звук и цвет исчезли из его мира, его взор сосредоточился вокруг талисмана.

Почему талисман оставил его? Почему больше не слышен его шепчущий голос? Почему он предал своего нового хозяина именно в тот момент, когда был нужен больше всего?

Талисман был последним, о чём он подумал, прежде чем навсегда погрузился во тьму.

Сискритт наблюдал за работой своего брата по помёту, пока кровь крошечными ручейками стекала в щели между плитами пола, смакуя мимолётное тепло, когда она неспеша проползла между его ног. Выхватив меч, чьё зазубренное и ржавое лезвие ничего не отражало в тусклом свете факелов подвала, он неслышным шагом двинулся к месту, где лежал сдохший человечиска.

Он ткнул труп затупленным кончиком меча.

- Дурак! Разве ты не видишь, что это не тот!

Сискритт принялся.

- Ты уверен, Сискритт-брат? Все людишки выглядят одинаково-одинаково для меня.

Сискритт зарычал, заветные убеждения в превосходстве расы скавенов были оскорблены идиотизмом его брата по помёту, смотревшего на него с отвисшей челюстью.

- Это не тот, который нужен. Это просто человеческий ребёнок. Посмотри, как он мелок! И слишком бледный. У людишек Тилеи шкуры темнее. Ты мог потратить больше времени, наблюдая за людишками дома, тогда ты бы не был настолько глупый-тупой.

Он вздохнул. Возможно, это было слишком, надеяться, что они наткнутся на свою цель, так соблазнительно стоящую на коленях: Сискритт никогда не был облечён чрезмерным благоволением Рогатой.

Смутно он понял, что его брат-мусор всё ещё говорил.

- Мы должны идти-спешить. Лесскрип убьёт-скормит крысам, если мы не справимся.

- Дурак! - Сискритт едва сдерживался, чтобы не наброситься на брата. Красрик был почти в два раза больше его, и не надо было обладать особым разумом, чтобы понять, что его брат по помёту легко справится с ним. - Никто не будет скучать по нам! Кто вспомнит о двоих, если остальных тысячи? Нет. Никто не обратит внимания.

- Но...

- Граа! - с раздражённым криком, Сискритт проигнорировал разумную оценку, сделанную им пару мгновений назад, и со всего маху врезал лапой по морде другого скавена. - Проникнуть в город людишек, как приказал Лесскрип, и красться-красться, что мы и делаем. Если другие скавены не знают этот туннель, то это потому, что ни один из них и вполтину не настолько умён, как Сискритт. Лесскрип будет доволен.

"И, кроме того, — подумал Сискритт, — случись ему найти этого человечешку купца, этого Амброзио Венто, и забрать себе талисман, что тот носит, то, возможно, он сам скормит Лесскрипа крысам..."

Сискритт нервно куснул оружие. Если что-либо из этого должно было случиться, то оно должно случиться в ближайшее время. В лучшем случае у него был час до начала атаки. Когда это произойдёт, его шанс будет потерян, и талисман Тилеи, который будет забран с трупа, станет всего лишь красивой безделушкой в руках того, кто схватит его первым и окажется достаточно сильным, чтобы удержать его в своих лапах.

А это, признался Сискритт, явно не он.

Он вернулся к непосредственной задаче, глядя на зловещие ворота в поверхностный мир. Несмотря на мрачные предчувствия, сам проход был довольно незатейливым: простая, потускневшая от времени дверь, возвышавшаяся примерно на высоте человеческого роста от пола, к ней вели полдюжину грубо высеченных каменных ступеней. Гигантские бочки смутно вырисовывались в тених по обе стороны от прохода, словно смотрящие с вожделием тролли, пока он молча двигался к ступеням. Людишкам, возможно, потребовалась бы пауза, но Сискритт был рождён в темноте.

Он прижался мордой к двери и прислушался.

Его слух был исключительным даже по меркам его расы. Он смог разобрать голоса нескольких человечешек, но они были далеко, а его знание рейкшпиля было слишком незначительным, чтобы разобрать, что говорил один голос из столь многих. Он задержался на одно долгое мгновение, запах влажной древесины заполнял ноздри, пока, наконец, не уверился, что можно безопасно открыть двери.

Он повернулся к Крассику.

- Ты смотришь-видишь, ты смотришь-охраняешь. Понимаешь? Ты наблюдать. Я иду смотреть. Кто приходит сюда, ты убивать-убивать. Тихо, - он указал на мёртвого человека. - И нет есть-есть. Ты наблюдать. Ты слушать меня. Я призываю - ты бежишь-спешишь. Понятно?

Красрик ничего не ответил, предпочтя угрюмо смотреть на свои лапы. Сискритт ухмыльнулся. Его мусор-брат не хотел, чтобы Сискритт украл талисман для себя, но Сискритт командовал, а его брат был слишком большой и глупый, чтобы помочь ему сделать это. Очень плохо для Крассика.

- Понимаешь? - он повторил.

- Я смотрю туннель. Прибегаю быстро-быстро. Я понял.

Сискритт сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, приоткрыл дверь и нерешительно нырнул в свет.

Это было ослепляюще. И страшно.

Дрожащими лапами Сискритт прикоснулся к дверной раме, убеждая себя, что в любой момент мог

сбежать. Постепенно белые блики исчезли, и зрение плавно сфокусировалось. В центре его внимания оказался ведущий вверх наклонный каменный коридор. Пронзительный писк, за пределами слышимости слабых ушей человечишек, вырвался из его глотки.

Это было странно, подумал он, так бояться ходить среди людишек. Он провёл много ночей, притаившись в тенях Сартозы, используя любые, даже самые незначительные возможности для собственного успеха. Но тилейский портовый город был словно кроличья поляна, полная дыр для отступления и тайников, созданных скавенами за многие годы скрытного наблюдения, и Сискритт знал каждый дюйм лучше, чем царапины на своих когтях. Даже сейчас, после многих недель отсутствия, он мог представить себе, словно наяву, плотно укрытые тенями аллеи наполненного развалинами города, в равной мере купающегося в нищете и процветании.

Чувствуя, как мысли о доме придали ему смелости, он сумел продвинуть одну лапу на полфута вперёд. Он слегка поморщился, ожидая, что его нога вот-вот сторит в незнакомой среде. Когда этого не произошло, он почувствовал, что его мужество возвращается, как прилив. Он, словно мотылек, метнулся по каменному коридору вверх ко второй двери, и сжался у открытого прохода, чтобы глянуть на людишек за его пределами.

Он предположил, что это было общее помещение, типичное для всех человеческих зданий, выполнявших схожую функцию: широкий, покрытый соломой пол, высокие потолки, поддерживаемые прогнувшимися деревянными балками и перекрытиями, множество прямоугольных столов и низких табуретов заставляли пространство, а напротив двери была длинная барная стойка.

Комната была почти пуста. Его острые глаза насчитали не более дюжины мужчин: старых, больных и хромых. Их разговоры были приглушены, а глаза на затравленных лицах - мертвы. Сискрита не заботил их страх.

Впервые появившись в Скверноземелье, клан взбаламутил местные племена орчишек, которые были обожали огнём и мечом проходить это бесплодное захолустье Старого Света.* Это был план серого провидца, и Сискритт не мог не восхищаться сообразительностью старого скавена, даже если малейшая мысль о серошкурном посланце Рогатой порождала страх в душе. Ценой жизнью нескольких сотен клановых воинов серому провидцу удалось привлечь орды орков на территории людишек, так что даже сейчас большинство из достигших боеспособного возраста человечишек сражались где-то в Скверноземелье в надежде отбить атаки мнимых мародёров. И в то время как человечишки и орчишки убивают друг друга где-то в полях, Сискритт и его родня набирают силы, чтобы в конечном итоге стать хозяевами того, что останется.

Сискритт выглянул из-за двери позади длинной барной стойки, вытягивая голову таким образом, чтобы можно было в мгновение ока скрыться в безопасности, со всей скоростью мелькнувшего языка змеи. Он молча зарычал, прикусив в ужасе затупленное лезвие своего меча.

Бар представлял собой простую деревянную стойку, оканчивающуюся пустотой на обоих концах. Это может дать ему возможность быстро и скрытно перебежать через всю комнату к лестнице, которую он увидел на противоположном конце помещения. Это было бы возможно, если бы не толстяк, что стоял прямо на пути, словно помещённый туда самим Рогатой в какой-то понятной только ему насмешке. Сискритт снова прикусил металл и, слегка успокоившись, вновь, на этот раз более внимательно, осмотрел помещение.

Почувствовав привкус железа на губах, он выпустил из пасти меч и задумчиво посмотрел на него. Эти

люди были на краю безумия после нескольких месяцев войны против орчишек, их слабые умишки были на грани, безусловно. Застав жирного врасплох одного, он мог легко и быстро прикончить его - как Сискритт и любил - и он подозревал, что был хороший шанс на то, что другие не проявят излишне большого желания прийти ему на помощь. Он может исчезнуть и оказаться далеко, прежде чем кто-либо увидит его. Хороший шанс...

Но недостаточно хороший для Сискритта. Он предпочитал быть *абсолютно* уверенным. Всё, что было меньшим - оставляло шанс на ошибку, а когда цена ошибки была настолько высока...

Ну, что может быть в этом мире более ценным, чем собственная жизнь?

Не в первый раз за этот день он проклял поспешность, с которой был вынужден действовать. Он не любил это. Это заставляло его мех шевелиться, а хвост начинал зудеть. Каждый звук, каждая тень, заставляли его сердце чуть ли не выпрыгивать из глотки. Как будто жизнь скавена и так не была излишне коротка! Он не понимал причин спешки, и это беспокоило его. Однако что вызывало у него куда большую озабоченность, так это то, как эта спешка может повлиять на него. Будь проклят глупый серый провидец, и Лапа Ада вместе с ним! Сискритт не понимал, как кто-то такой большой и страшный, как его военачальник, мог кому-то позволить помыкать собой, пусть даже и коварному Танкуолю.

Он вздрогнул. Он встретился с серым провидцем лишь один раз, да и то на короткое время, но этого раза ему хватило, чтобы испытать жуткое, необоримое желание быть где угодно, только подальше от этого печально известного скавена.

Что стало с Танкуолем после? Он бы многое отдал, чтобы узнать. Сискритт снова вздрогнул и передумал. На самом деле он *не хотел* ничего знать.

Он грыз своё лезвие, чтобы сдерживать в узде свой страх, и продолжал украдкой оглядывать таверну. Толстая тварь была занята разговором, но он не мог ни понять, о чём тот говорит, ни увидеть - с кем. Впрочем, это его не слишком сильно заботило. Всё, что он видел, это несколько дюймов ярко-оранжевых волос, ярко выделяющиеся над стойкой. Ещё один человеческий ребёнок, это место казалось заражённым ими.

Распираемый от нерешительности, он дёргался вперёд и назад, одна нога за другой, словно давая выплеск беспокойной энергии, что кипела внутри него. Он зашёл слишком далеко, рискует слишком многим, чтобы всё сорвалось в последний момент из-за...*грра... глупый-тупой толстяк.*

Его бегущие мысли были прерваны раздавшимся откуда-то снаружи таверны криком. Он наострил уши, хотя ни один из людишек, казалось, ничего не заметил. Как будто первый был своего рода сигналом, ещё больше испуганных и страдальческих голосов человечишек начали раздаваться по всему городу, смешиваясь со звуками хлопающих дверей и вытягиваемого оружия. Эта какофония была одной из самых приятных вещей, что слышал Сискритт.

Наконец, шум достиг слабых ушей людишек в таверне. Они оторвали свои измятые лица от кружек и начали тревожно переговариваться друг с другом. Сискритт не понял практически ни одного слова из произнесённых ими, но одно слово, слово, что было общим для всех людишек во всех частях Старого Света, он таки разобрал.

Орки.

Он не смог сдержать улыбки. Да людишки, повернитесь лицом к несуществующей угрозе орчишек, и умрите со скавенским мечом в спине. Именно в такие времена, как эти, великолепие скавенского

интеллекта было просто невозможно не признать.

Приглушённые звуки проходили сквозь толстые стены таверны: растерянные крики, вопли, стук сапог по мостовой и глухой шум сталкивающейся стали.

Мужчины нервно переместились к дверям и к бару, оказавшись в опасной близости от скрывавшегося Сискритта. На мгновение он испугался, что солдаты людишек могут ворваться в подвал, но эти опасения были развеяны мгновение спустя, когда совсем рядом с таверной раздался мощный взрыв, от которого загремела дверь на петлях, а со стропил и потолка обрушились облака пыли и грязи, заставившие людей зайтись в приступе кашля. Он вздрогнул на мгновение, но затем крепко ухватился за деревянную раму двери, чтобы успокоить нервы.

Толстяк, бормоча проклятия, которые Сискритт не разобрал, обернулся к чему-то на стене, ранее скрытому от глаз скавена, и вытащил из тайника огромный боевой молот. Сискритт сглотнул, когда увидел, с какой лёгкостью седовласый толстяк поднял массивное оружие, впервые разглядев широкую спину и могучие мышцы, которые скрывались под толстым слоем жира. Бывший наёмник, вышедший на пенсию, определённо. Он должен был догадаться. Во многих отношениях жизнь в Скверноземелье напоминала жизнь в кланах: только сильный мог выжить и процветать.

Он снова проклял вынужденную спешку. Если бы у него был хотя бы один день, чтобы разведать всё в таверне...

Хозяин пересёк комнату со спокойной уверенностью, его молот светился внутренней силой. Наконец толстяк приблизился к двери, присел на корочки и вдруг испугался, словно это был портал в сами Пустоши Хаоса. Прежде чем он схватился за ручку, раздался голос. Слова на рейкшпиле были произнесены медленно и раздельно, и даже Сискритт смог разобрать их.

- Я бы не стал пока открывать эту дверь, человеке.

Говоривший вышел из тени за баром, которая до этого мига скрывала его от глаз. Огромный рыжий ирокез выплыл в поле зрения, словно парус корабля контрабандистов на горизонте, а затем появились бгурившиеся мышцами и расписанные татуировками плечи гнома Убийцы.

Толстяк повернулся к гному, чтобы сказать что-то, как показалось Сискритту, достаточно безобидное, но гном выплюнул обратно ядовитый ответ, слишком быстро, чтобы скавен смог разобрать. Человечиска опустил глаза и поднял пустую ладонь в знак капитуляции, после чего вновь заговорил, на этот раз более мягко.

Сискритт проклял людишек и бессмысленное многообразие их языков и диалектов. Он бы отдал лапу, лишь бы узнать, что именно они лопочут.

Гном бросил взгляд на трактирщика, прежде чем вновь обратить его на дверь. Жирный возвышался над ним, но гном источал ауру, которая словно бы доминировала над таверной. Даже Сискритт почувствовал, как у него заложило дух от следующих слов карлика.

- Я не знаю, человеке. Я просто с нетерпением жду это, чтобы убить.

Сискритт хихикнул. *Глупые неудачники, не орчишки ожидают вас в этот день.*

Бросив последний взгляд, он со всей возможной скоростью бросился к противоположному концу барной стойки, пользуясь её защитой. А затем коротким прыжком переместился из бара в укрытие под

лестницей. Его уши дрогнули, когда шум битвы приблизился.

Чёрно-зелёное свечение пробилось сквозь щели в двери, сопровождаемое смертоносным треском варп-огня, и искупало людей в кошмарном свете. Воздух чуть ли не шипел от пепла, наполненного варп-камнем. На улице были слышны недолгие звуки борьбы: крики, вопли, пронзительные скрипы и звуки металла кромсающего мясо. Дверь сердито гроыхнула, как будто что-то тяжёлое и мягкое только что было брошено в неё с другой стороны. Вой человека превратился в бульканье, а затем Сискритт увидел, как чей-то силуэт, освещённый пламенем варп-огня, медленно сползает по двери.

И вдруг, словно кто-то разбил заклинание тишины.

Толстяк начал выкрикивать приказы, и людишки пришли в движение. Столы и стулья были составлены в импровизированную баррикаду, пока те, кто ещё не достал оружие, вооружались. Сискритт разобрал смешные имена, которыми людишки называли друг друга: *Руудольф*, *Гюнтер*, *Холегур*, *Фееликс*. Один из них, которого называли *Руудольфом*, спешно забежал за подвальную дверь и начал возиться с тяжёлой связкой ключей.

Ощущение западни нахлынуло на него, словно когтями сжав глотку. Между растущей баррикадой и человечешкой Руудольфом не было никакой возможности улизнуть. Паника всё росла и росла, словно приливная волна, пока *Руудольф* приближался всё ближе и ближе.

Граа! Сейчас или никогда!

Полубегом, полуползком, он вскарабкался по покрытым соломой доскам, за тонкую каменную стенку, отделявшую лестницу от основного помещения. Он остановился, задыхаясь, на первой ступеньке, и подождал, пока его бешено бьющееся в панике сердце не стихнет. Молча он пообещал себе, что более никогда в жизни не станет делать что-либо подобное.

Он выглянул из-за стены как раз вовремя, чтобы увидеть, как человечешка исчезает в подвале. Один короткий миг, когда он вспомнил о Крассике, он подумал, что не будет горевать об идиоте, но тут же внезапное чувство одиночества проползло в его кишки. Он был один, в ловушке в логове людишек!

Сискритт сделал глубокий вдох и, несмотря на то, что воздух был насыщен страхом людишек, успокоился. С Крассиком или без Крассика, он всегда был один. Один Сискритт среди ста тысяч ничтожных скавенов. Он проигнорировал шум и крики от взволнованных человечков и вернулся к своей непосредственной задаче. Талисман был уже так близко, что он практически мог почувствовать его вес на своей шее.

Лестница была короткой. Он насчитал десять простых деревянных ступеней, ведущих вверх на второй этаж здания, но они были расположены достаточно широко: более подходяще для широкой поступи людишек, чем для коротких лап Сискрита. Он аккуратно перепрыгивал с одной ступени на другую, предпринимая все возможные усилия для того, чтобы производить как можно меньше шума при приземлении, хотя и сомневался, что скрип ступеней сможет заглушить чириканье тысяч бойцов клана, возбуждённых предвкушением предстоящего лёгкого убийства.

Верхний этаж был лучше, чем нижний. Широкая ковровая дорожка покрывала полы коридора перед Сискриттом, хотя её цвет и рисунок были уже практически неразличимы после многих лет использования. С левой стороны через одинаковое расстояние располагались три низких, утопленных в стенах двери, ведущие в номера, на каждой двери было вырезано изображение какого-либо причудливого зверя. Он не мог разглядеть рисунки на двух дальних, но на первой двери было вырезано

изображение трёхглавой химеры, и достаточно реалистично для того, чтобы вызвать у него испуганный писк, когда Сискритт завернул за угол и столкнулся нос к носу с уставившимся на него изображением.

В стене справа были врезаны несколько широких и изощрённо украшенных свинцом окон, и из них открывался вид, который бы согрел душу любого скавена.

Город горел.

Половина горизонта светилась огнём, многочисленные точки зелёноватого пламени разгорались в разных частях города. Сердце Сискритта наполнилось гордостью от демонстрации величия его расы. Пусть глупые людишки сидят за своими каменными стенами и бойницами. Они были бесполезны против скавенской хитрости. Он наблюдал, как ещё один взрыв сорвал крышу с соседнего здания, стены лопнули, словно перезрелый плод, став топливом для рождённых варп-камнем пожаров.

Пламя окрасило коридор жутким зелёным светом, прошедшим сквозь окна, создавая ощущение, будто Сискритт плыл в расплавленном варп-камне, словно его засунули под стекло на потеху какому-нибудь полусумасшедшему колдуну из клана Скрайр.

Его вырвали из задумчивости звуки, раздавшиеся впереди по коридору, и он мгновенно нырнул за дверь с химерой, когда мимо с грохотом пробежала пара вооружённых мужчин, направляясь к лестнице. Из дальней двери вослед им раздался вопль на тилейском языке, который Сискритт знал достаточно хорошо.

- Я плачу вам, вы, неблагодарные собаки! И то, что происходит в городе - не отменяет этого!

В течение нескольких мгновений, Сискритт слышал, как человечешка переминается на пороге, словно ожидая, что его приспешники вернутся.

- Ну и хорошо! Сдохните, как и все остальные!

Дверь с шумом захлопнулась, и Сискритт ухмыльнулся, став бенефициаром столь невероятной удачи. Слушая, как бывшие телохранители его жертвы присоединили свои усилия к людишкам внизу, Сискритт одними губами пробормотал благодарность щедрости Рогатой.

Он окинул быстрым взглядом пустую, неприбранную комнату за дверью с химерой. Жуткий варп-свет отбрасывал длинные тени, которые танцевали по стенам и потолку. Даже в этом состоянии комната отдавала человеческой роскошью, которую он не мог себе даже вообразить... Но в один прекрасный день, уже совсем скоро, он будет иметь всё это, и многое другое. Он плотно зажмурил глаза от удовольствий, что ожидали его в ближайшее время. Его лапа опустилась на грудь, на то место, где вскоре будет висеть талисман. *Да-да, он будет иметь всё это и многое другое.*

Он прополз обратно в коридор, уверяя себя в том, что в ближайшее время охранники тилейца будут слишком заняты, чтобы вернуться. Удовлетворённый, Сискритт прошмыгнул мимо второй двери (*Мантикора*, подумал он) и, обогнув длинный стол, - к третьей.

Вдруг низкий вибрирующий звук отдался в его лапах. Он в ужасе смотрел из окна, как высотное здание на улице неподалёку начало оседать, видимо, провалившись в один из плохо укреплённых скавенских туннелей, и похоронив под собой сотни паникующих клановых крыс, что роились в нём. Сломанная черепица отвалилась от его крыши и засыпала грубо оштукатуренные стены таверны. Когда, наконец, Сискритт осознал происходящее, то мгновенно закатился под стол, в то время как черепица из высокой мансарды здания пробила окна, заполнив коридор стеклом и длинными свинцовыми элементами декора

окон, которые прогремели по его жалкому укрытию. Свернувшись в клубок и спрятав нос в шерсть, он ждал до тех пор, пока скрип закончившегося осыпаться щебня и вопли заживо похороненных скавенов не сказали ему, что всё закончилось.

Осторожно, он открыл уши и высунул кончик носа из своего укрытия. Звуки резни теперь ясно доносились до него, не заглушаемые оконными стёклами, ветер принёс вопли и тяжёлую вонь из смеси дыма и горелой плоти. Он принялся, но все запахи заглушил запах его собственной крови вытекающей из мягкой ткани его носа, куда вонзился осколок стекла. С тревожным взвизгом он укрыв свою окровавленную морду рваным рукавом своей туники.

Последние клочки мужества покинули его тело, когда скавен увидел кровь на своём драгоценном носу, и он отпрыгнул от стола, слепой ко всему, ведомый единственным инстинктом - бежать. Он врезался головой в стену, свалившись вверх тормашками до того, как смог распрямиться, став нечётким пятном из крови и меха. Обезумев от паники, он дрожал в тени стены, судорожно глотая воздух, словно заживо погребённый, делающий последние вздохи. Медленно, его самообладание вернулось, и он осторожно отнял рукав от своей морды. Он сперва осторожным касанием, словно очищая, дотронулся до - условно говоря - бока своего носа и чуть не потерял сознание от облегчения, когда, бросив после этого осторожный взгляд, не обнаружил на нём кровь.

Он поднёс ткань своей одежды, чтобы понюхать для пробы. Кровь, грязь, фекалии. Все знакомые запахи.

Используя подоконник для опоры, он поднял себя в вертикальное положение, крошечные осколки стекла, застрявшие в его мехе, мгновенно отразили огненный зелёный свет, и глянул вниз на то, что осталось от улицы.

Город людишек был захвачен. В дальних районах ещё были слышны звуки боя, но здесь орда клановых крыс текла по улицам, словно приливная волна в гавани Сартозы, и только редкие крики ещё не осознавших свою смерть человечишек, умоляющие о пощаде, разбавляли их возбуждённое чириканье.

Всюду, насколько он мог видеть, орды воинов скавенов выливались из открытых дверей, таща награбленные сокровища и людишек: живых, мёртвых и полусожранных. Гостиница, казалось, единственная останавливала их продвижение - одинокий оплот на пути непреодолимого прилива. Один из наиболее изобретательных скавенов уже смастерил таран из брошенной тележки и теперь пытался пробиться в последний очаг сопротивления из находившихся в пределах досягаемости. Сискритт с презрением смотрел, как собранный наспех таран развалился, не оставив даже отметины на тяжёлых дверях.

Дураки. Кто-то заплатит за эту неудачу. Сискритт мог бы сделать намного лучше.

Правда, кое-кто из неудачников - неважно, был он виновен или нет - уже был выбран одним из своих ближних сородичей, и суматошная драка вспыхнула мгновенно, словно трут, пока относительный порядок не был восстановлен пронзительным шквалом угроз и похвалы, исходящим от мощной крысы в мутно-зелёной броне клана.

Пока Сискритт наблюдал за тем, как разворачивалась эта небольшая интермедия, суматоха на улице ощутимо усилилась. Внимательно разглядывая толпу, он с лёгкостью смог разглядеть огромного покрытого чёрной шерстью скавена, появившегося из одной из боковых улиц.

Это был Криззак, первый помощник Лапы Ада и второй по старшинству командир во всём клане. Он вместе со своими элитными штурмовиками пробил себе путь сквозь ряды своих меньших братьев, в то

время как небольшая группа невысоких фигур шла за ним по пятам, сжимая в своих лапах разнообразное оружие, выглядевшее крайне зловеще.

Нос Сискритта дёрнулся.

Смазка...ускоритель...коктейль из химических веществ, которых он не мог идентифицировать, но отлично помнил по опыту, доставшемуся тяжёлой ценой, так что мог узнать за версту. Восхитительный запах варп-камня достиг его ноздрей с мрачной неизбежностью.

Метатель варп-огня!

- Нет, нет, нет. Не сейчас-сейчас, не прежде чем Сискритт доберётся до жалкой людской твари!

Он повернулся к последней двери, на которой был вырезан какой-то монстр с перьями. Грифон...или, возможно, василиск? Не важно. Это было лишь последним препятствием между ним и первым шагом на его пути к величию. Мех крысолюда начал покалывать.

Выхватив меч, он с рычанием ударил в дверь. Раз. Другой.

На третьем ударе замок поддался и дверь распахнулась. Сискритт бросился сквозь дверной проём, испытывая браваду, которая могла прийти только после абсолютного смертельного ужаса, выставив перед собой клинок, словно тот был взбесившейся чумной крысой, которую он держал за хвост.

В этот самый момент боковая стена таверны расплылась в сгустке варп-огня, выпущенного стоявшей внизу командой. Всё ещё бывшие целыми окна взорвались внутрь, когда огненные щупальца лизнули балки и штукатурку.

Тилейский купец упал на пол и завопил, когда Сискритт бросился на него, расплывшись в ореоле чёрно-зелёного пламени. Оловянный кубок, который он сжимал в руке, выпал из дрожащих пальцев, правда, к тому времени его кроваво-красное содержимое уже пропитало шёлковые одеяния человека.

Не обращая никакого внимания на глупого человечешку, Сискритт шипел и рычал, хлопая лапами, пытаясь сбить язычки огня, перекинувшиеся на его мех и одежду, кончик его бешено размахивающего, подпаленного хвоста сплёл паучью паутину из остаточных изображений. Его обезумевший взгляд метался по комнате в поисках спасения...

Но в это мгновение он увидел талисман.

Его дыхание перехватило, а глаза сузились, жестокая, ревнивая жадность мгновенно подавила ужас. Он был здесь. *Он будет его!*

Курясь дымком от подпаленной варп-огнём шкуры, он двинулся к хнычущему человечку, раздавив упавший кубок под своими лапами, пока тот отползал назад. Он был непобедим. *Я Сискритт, страшный и большой, кара человечешек и скоро-быстро стану любимцем Рогатой Крысы!*

Человечек, которого, как знал Сискритт, звали Амброзио, отползал до тех пор, пока не уткнулся в угол комнаты и теперь смотрел на него широко раскрытыми от страха глазами, на его дряблом лице было непонимание. Сискритт не испытал ни капли сочувствия, пока подбирался к нему короткими, быстрыми шагами. Несмотря на все доказательства, в которые его чуть ли не тыкали отвислым носом, человечек по-прежнему отвергал саму мысль о существовании скавенов.

Тилейцы из всех людей обитали ближе всех к тени самого Скавенгниля, так что должны бы были знать

больше.

- Ч-чт...что, - человецишка съёжился, словно обезьяна, загнанная в угол хищной птицей. Этот может быть лучше одет, чем обезьяны, может быть более высоким, но его хлопающие губы лепетали не меньшую тарабарщину.

- Тихо, человек. Заткнись-умолкни.

- В-вы говорите по тилейски! Вы демон, посланный наказать меня?

Сискритт ответил взрывом чирикающего смеха.

- Да-да. Я демон от...от... человеческих богов. Отдай мне талисман, и я уйду далеко-прочь.

Он выжидательно вытянул лапу, надеясь, что человек не заметит, как она дрожит, а слабый нос не учует исходящую от него вонь страха.

Человецишка начал плакать, слёзы проделали две дорожки по его обветренным щекам. Амброзио, согнувшись в три погибели, ползал у ног Сискритта, или в рассеянности или в слепоте, не замечая запёкшуюся кровь людишек на них, жалкий и дряблый, словно желе.

Сискритт склонил голову в недоумении, когда человек начал шептать молитву о покаянии, прося прощения за многочисленные грехи, в которых он, само собой, раскаивался. Спектакль был бы довольно забавен, если бы у него было больше времени. Спина покрылась волдырями от страшной жары, и тревожные стоны истязаемых деревянных балок, разносились по таверне. Не так уж и далеко внизу под ногами он услышал, как рухнули тяжёлые двери таверны.

Там не было необходимости, в какой бы то ни было организации. Масса толп воинов просто продавит ближайших к таверне скавенов сквозь повисшую над зданием занавесь пепла, а затем и в само здание, где укрылись испуганные людишки. Первый десяток, возможно, умрёт, ступая в расплавленный металл, когда танцующее пламя подожжёт их мех и одежды.

Уже неистовые крики скавенов и людишек эхом наполнили задымленные коридоры, словно неупокоившиеся духи проклятых. И, пока Амброзио пускал сопلي на ковре, звуки хаоса и резни становились всё громче.

Только огромным усилием воли Сискритт сдержался, чтобы не расклеиться, подобно человекку на ковре. Он держал лапу протянутой.

- Талисман, человек. Быстро-быстро.

- М-мой талисман? Конечно. Он принадлежал человеку, которого я продал, как раба. Буду ли я наказан за этот грех? Если я выкуплю его на свободу, вы оставите меня в живых?

- Да-да, человецишка, ты будешь жить! Просто отдай талисман быстро-быстро, иначе глупый-глупый человек умрёт!

Липкими от пота пальцами Амброзио сдёрнул с шеи цепь, разрывая её звенья, в спешке зацепившиеся за всклокоченную бороду, так спешил он избавиться от этой вещи. Он с таким нетерпением вложил талисман в лапы Сискритта, как если бы сбрасывал с себя проклятие богов.

Сискритт сиял от восторга. В некотором роде, так оно и было.

Его взгляд остановился на талисмানে, что он сжимал в своих лапах, как будто притянутый верёвочками кукольника. Хаос битвы отступил, когда талисман забрал на себя всё внимание. Долгие секунды он не слышал ничего, кроме собственного дыхания, а стоило закрыть глаза, тихий шёпот раздавался внутри головы, поздравляющий его, такого умного скавена. Так много труда, так много риска, столько подготовки, но теперь он был его. Любовно Сискритт провёл когтями по поверхности талисмана.

Талисман представлял собой чёрный янтарь, заключённый в платиновую решётку, и висел на длинной цепочке. Даже если бы он не был волшебным, то сам по себе он мог позволить купить ему собственный клан. Но магия в нём была, Сискритт чувствовал это. Талисман был неестественно и несоразмерно тяжёлым в лапе, в нём ощущалось присутствие, словно бы приветствующее Сискрита в ответ.*

Он отбросил навеваемые этим гнетущие мысли в сторону и надел цепь на шею, так что талисман повис на уровне его бедра.

Он чувствовал себя сильным. Человечишка носил его скрытно под своими шелками, но Сискритт будет гордо нести его поверх своих лохмотьев. *Пусть другие видят, что я - скавен, с которым нужно считаться!*

Амброзио опустил на одно колено, словно его путешествие через океаны безумия завершилось и он, наконец, вышел на другую сторону.

- Я служил тебе, слуга богов. Сдержишь ли ты данное мне обещание? Позволишь ли ты мне жить?

Сискритт подошёл к купцу и протянул лапу за мечом в руке человека. Купец без сопротивления разжал хватку. Сискритт с восхищением смотрел на клинок, который оказался в его лапах. Это было длинное и красивое оружие, обоюдоострое с крестообразным эфесом и сужающимся к концу в злобную точку лезвием, которое словно призывало пустить кровь, когда Сискритт сжал пальцы на рукояти. Элегантная гравировка вилась по лезвию от кончика клинка до эфеса. Он признал арабскую вязь, но понять то, что было там написано, было не легче, чем понять разум человека перед ним.

Это действительно было прекрасное оружие.

Сискритт посмотрел на Амброзио.

- О, конечно я сдержу, человечек. Ты помогаешь-помогаешь - я спасаю-спасаю.

Купец вышел за ним в коридор, но остановился, глядя на разбитые окна. Ветер был яростен, его горячее дыхание наполнено запахами зелёно-огненного пламени, жареного мяса и крови, словно неизменный, всепроникающий железный шепоток на языке, крови.

Амброзио был ошеломлён.

- Что здесь произошло? Неужели расплата за мой грех пала на всех?

- Тихо сейчас, человечиска. Я сказал, что Сискритт поможет тебе.

Улица была практически пуста, за исключением нескольких дезертиров, которые успешно избежали драки. Весь фасад здания горел варп-огнём, и даже стоять здесь, около окна, было дискомфортно: ощущение было сродни тому, которое ощущал себя обед, нанизанный на вертел и подвешенный над очагом голодного великана.

Тихо Сискритт подкрался к Амброзио. Оттолкнувшись одной ногой, он прыгнул и нанёс мощный удар в

спину человеку другой. Если бы это было далеко от окна, то тот мог бы и не упасть, но неуклюжие ноги зацепились за основание стены и человечка, споткнувшись, полетел вперёд с непристойным взвизгом, его шелка развевались в потоках восходящего горячего воздуха. Человечка мгновенно поглотило пламя, не оставив ему даже малейшего шанса крикнуть.

Зловещий стон половиц под дымящимся ковром заставил Сискритта молнией метнуться к лестничной клетке. Как ни странно, битва внизу всё ещё бушевала: он мог слышать гром боевого клича безумного карлика, призывающий сплотиться выживших перед последней схваткой. Сискритт выхватил очаровательное новое оружие и стал ждать подходящего момента, чтобы присоединиться к драке. Он был ранен и окровавлен, так что никто не сможет упрекнуть его в том, что Сискритт не участвовал в битве с самого начала.

Он нежно погладил свой талисман и улыбнулся недоброй улыбкой, полной пожелтевших зубов. Он почти мог почувствовать величие, что ожидало впереди. Лесскрип, Краззик, Лапа Ада и да-да, даже сам Танкуоль. Они все признают его могущество.

Он, словно тень, полетел вниз по лестнице, чтобы присоединиться к своим победоносным братьям.

Готрек уделил своему товарищу мимолётный взгляд, прежде чем идти туда, где лежал последний крысочеловек. Он вытащил топор из позвоночника мёртвой крысы, лезвие вышло из кости с влажным визгом и небольшим сгустком крови. Почти машинально, он наступил на мелкий брелок, который носила жалкая тварь, измельчив в пыль чёрные осколки.

Он оглядел комнату в поиске новых врагов, но, к его великому сожалению, похоже, больше никого не осталось в живых.

Феликс подошёл к нему, отрывисто и сухо кашляя от дыма.

- Ну что, теперь мы можем уйти? Или ты будешь настаивать на том, что сперва надо ещё выпить?

Готрек проигнорировал его, вместо этого вскарабкавшись на один из немногих оставшихся столов и схватившись за рукоятку застрявшего в потолке рунного клинка своего приятеля, выдернул его без видимых усилий. Удивлённый Феликс еле успел поймать меч, который кинул ему гном.

- Нет, - сказал он наконец, - эль в этом месте на вкус, как орочий плевок.

Феликс удивлённо поднял залитую кровью бровь и пожал плечами, прежде чем направиться к двери, ведущей в подвал. Готрек остановил его, подняв мясистый кулак.

- И куда это ты собрался, человеческий отпрыск?

- Этот последний крысочеловек направлялся именно сюда, так что, я думаю, здесь есть выход.

Готрек покачал головой и рассмеялся глубоким, раскатистым смехом. Неуклюже перейдя на бег, он прорвался сквозь пламя и выбрался на улицу. Звуки боя возобновились.

Феликс вздохнул, проглотив проклятие.

- Горящий город, полный крысолюдей? Ну конечно, какой ещё другой путь.

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тилейский_талиман_/_The_Tilean%27s_Talisman_\(рассказ\)&oldid=21902](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Тилейский_талиман_/_The_Tilean%27s_Talisman_(рассказ)&oldid=21902)

Эта страница в последний раз была отредактирована 11 декабря 2022 в 01:51.